

В десятку!

Леонид Парфенов — убежденный сноб. Сначала он отказался фотографироваться. Потом хотел, чтобы его речь в интервью воспроизводилась дословно — тем самым напоминая руководителей компартии совкового периода. И наконец, потребовал изъять из текста почти все, что касалось личной жизни (о которой, собственно, сам и рассказал, и отнюдь не под дулом пистолета). Мы заранее приносим извинения Леониду за то, что не прислушались ко всем его указаниям — в результате чего он, возможно, получился здесь, на страницах «Собеседника», лучше, чем на самом деле.

— Как мы видим, Леонид, телекомпания НТВ стала для вас счастливым пристанищем. За то время, пока вы здесь работаете, многие люди, едва успевшие промелькнуть на экране, были уволены. Вы же, напротив, все набираете популярность и, судя по всему, пользуетесь благоволением руководства...

зрения зрителя. Но сам я не чувствую, что теряюсь. Эти две программы — совершенно разные по жанрам, но они обе мне нравятся одинаково. И я же не попугай на жердочке, чтобы всегда и везде вести себя одинаково. В «Намедни» я просто читаю письменный текст. А в «Герое дня» я еще дол-

Парфенов на съемках своей любимой программы «Старые песни...» пытается подлить что-то из крынки Расторгуеву и Николаеву.

фото из личного архива Леонида Парфенова

Леонид Парфенов:

«Я ж не попутай на жердочке»

— Когда Малашенко приглашал меня работать на НТВ, вся телекомпания размещалась в одной маленькой комнатке. Я тогда просто поверил в него как в телевизионного управленца. Сейчас я выхожу в эфир с рукописями, никто меня не контролирует.

— Какие качества вы считаете основными для телеведущего — ум, смелость, напористость, наглость? — Думаю, все эти перечисленные качества — не главное. Недостаток ума здесь можно заменить умом редактора, а напористым должен быть скорее продюсер. Ведущему же необходимо в первую очередь своеобразие, чтобы что-то в нем цепляло аудиторию.

— Мне, простите, не совсем понятно ваше заявление о недостатках ума ведущего. По-вашему, это нормально, когда телеведущий недоумок? — Ну, конечно, не до такой степени. Просто его подготовленность по той или иной теме не должна быть абсолютной. Он не может хорошо знать, скажем, одновременно и внутреннюю, и внешнюю политику. И это уже задача редактора — сделать так, чтобы на экране недостаток компетентности не был заметен. Вот Гурнов недавно вернулся из Великобритании — конечно, он может сейчас хуже ориентироваться в том, что происходит внутри нашей страны. Но с помощью редакторов зритель этого не видит.

— Почему вы выбрали для работы именно Москву, а не остались на своей родной Вологодчине или в Питере, где учились?

— К сожалению, телевидение в нашей стране существует только в столице.

— Но начинали-то вы в качестве телевизионщика именно на периферии.

— Местное ТВ — это очень специфическая область. Если бы я остался там, наверняка занимался бы совсем другим делом — каким-нибудь бизнесом.

— У вас сейчас две программы — «Намедни» и «Герой дня». На мой взгляд, в «Герое» вы нередко теряетесь на фоне собеседников. А в «Намедни» вы такой всезнающий эксперт. Вам самому какая роль больше нравится?

— Не знаю уж, как я выгляжу на фоне своих собеседников с точки

жен ориентироваться на собеседника — в этой передаче многое зависит именно от него. Поэтому здесь, пожалуй, немножко потруднее. Особенно, если это прямой эфир, где нельзя потом ничего поправить.

— Вы постоянно заявляете о том, что «Намедни» — это неполитические новости. Однако политика частенько вкрадывается в вашу программу. Вот накануне Пасхи вы вспоминали о дне рождения Ленина и сравнивали пасхальные лозунги с коммунистической наглядной агитацией. Вам самому не кажется, что вы лицемерите, открещиваясь от политики?

— Я не открещиваюсь.

Леонид Парфенов родился 26 января 1960 года в городе Череповце Вологодской области. После окончания школы поступил в Ленинградский университет. Сразу начал печататься. Первая статья — рецензия на фильм Сергея Соловьева «Сто дней детства» под рубрикой «На поиски Государственной премии СССР» (после этой публикации фильм действительно получил госпремию). По окончании университета работал в газете «Вологодский комсомолец», потом на областном телевидении. В 1986-м переехал в Москву. Через два года вместе с Андреем Разбаевым снял документальный фильм «Дети XX съезда», который впоследствии был приобретен телекомпаниями девяти стран мира. На эти деньги купил квартиру.

В 1989-м с Анатолием Малкиным и Кирой Прошутинской сделал репортаж про оппозицию, с которого начался «Пресс-клуб» и вообще Авторское телевидение. С осени 90-го до первого путча делал программу «Намедни» на АТВ, затем в «Останкино» — цикл передач «Портрет на фоне». В НТВ работает с момента образования телекомпания. Женат с 1986 года, имеет сына и дочь.

Просто не вижу в том, о чем я рассказываю, никакой политики. Это скорее можно назвать укладом жизни. Ну чего политического в том, что толстые тетеньки в Шушенском (место ссылки Ильича. — *Ред.*) рассказывают, как они хорошо живут! Это просто взгляд на жизнь — не более.

— Недавно я проводила опрос о

эффектно и трепетно относится к подбору костюмчиков для выхода в эфир? Почему же вы нервничаете, когда вам задают об этом вопросы?

— Я не нервничаю. Просто мне уже начинает надоедать, когда только об этом и говорят.

— Видимо, люди замечают, что вам далеко не безразлично, в какой одежде вы демонстрируете себя зрителям. Вам приходится напрягаться для того, чтобы выглядеть на экране этаким денди? — Ну почему напрягаться? Вы намекаете, что сейчас — во время интервью — я не соответствую своему экранному облику... Так вот: если бы не жара сегодня, я бы сидел перед вами в костюме и галстуке.

— Вы хотите сказать, что в пору своей юности, работая на вологодском телевидении, вы тоже одевались подобным образом?

— Конечно, нет. Но тогда в этой стране никто так не одевался. Может быть, все дело в том, что я слишком серьезно отношусь к тому, как я появляюсь в кадре. Когда снималась программа «Старые

песни о главном», я несколько раз пел перед съемочной группой весь репертуар, но мне и в голову не придет сделать это в эфире.

— Вы как-то сказали, что хотели бы прервать работу, чтобы поучиться, постигаться... — Да, например, с полгодика поработать в какой-нибудь западной телекомпании. При этом еще хотелось бы прослушать курс каких-то лекций, почитать какие-то книжки.

— А что насчет вашего желания заняться рукописной публицистикой? — У меня есть договор на публикацию книжки. Но это не совсем публицистика, а скорее документальная проза — о людях, событиях и явлениях, которые определили образ и стиль жизни в бывшем СССР в последние 30 лет его существования, с момента обмена денег в 61-м году до распада Союза.

— Может быть, есть и еще какие-то желания, пока еще не реализованные? — Я очень давно хочу поехать в Барселону — посмотреть архитектуру Антонио Гауди. Но пока не знаю, когда это получится.

Пугачева — женщина, которая произвела на Парфенова самое сильное впечатление.

том, какую телепрограмму зрители считают самой эстетской. И многие, преимущественно молодые, называли программу «Намедни». А певец Дима Маликов вообще сказал, что вы «выдающийся эстет на нашем ТВ». Это намеренно создаваемый имидж или таково ваше естественное поведение?

— Отчасти это было сделано намеренно. Для этой цели я даже пользовался услугами стилиста Льва Новикова. Но, мне кажется, такая подача необходима — она соответствует тем темам, о которых я говорю в своей программе. Вообще форма подачи, стиль для меня главное.

— А вы сами себя считаете эстетом?

— У меня нет позывов к подобному самоанализу: постоит, а кем же я являюсь? Кто хочет, может называть это эстетством. А кто-то, наверное, сочтет кокетством или дешевым пижонством. Я прекрасно понимаю, что не всем обязательно должно нравиться то, что и как я делаю.

— Леонид, я знаю, что одежда для вас — большая тема. Но разве это плохо, если телеведущий выглядит

— Вы тут поминали «Старые песни о главном». И я кстати вспомнила, как недавно вам вместе с Константином Эрнстом за это ваше совместное творение вручали премию «Звезда». Тогда на сцену вышел один Эрнст, что породило предположения такого рода: а не в споре ли вы с Эрнстом? Или: не считаете ли вы получение подобной премии ниже своего достоинства?

— Мое отсутствие объясняется гораздо проще. В этот день я был здесь, в «Останкино», — записывал «Герой дня» со Жванецким. Если б я знал, что именно нам достанется премия, я бы постарался побыстрее записать и приехать. Но я не был уверен... А с Костей мы находимся в прекрасных отношениях. Дружим семьями, ходим друг к другу в гости. Среди людей моей профессии это мой лучший друг. И подозреваю, что единственный.

— Характер вашей работы предполагает личные взаимоотношения с деятелями культуры...

— Я бы сказал так: у меня есть личное отношение к деятелям культуры, но оно не связано с работой. Чьи-то книги, роли или фильмы на самом деле оказывают на меня, может, даже большее влияние, чем реальные люди и «взаправдавшие» события.

— И все же из тех, с кем вас сводила работа, кто произвел самое сильное впечатление?

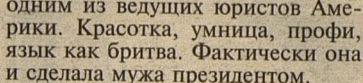
— Алла Пугачева. Она — человек огромного художественного дара. И я благодарен своей работе за наше знакомство и последующие отношения.

— Не хотелось бы, чтобы это выглядело как сравнение... Но недавно у вас была встреча с еще одной женщиной, знаменитостью мирового масштаба — Синди Кроуфорд. Как она вам понравилась?

— И для нее, и для меня это просто работа. Так что если бы я сейчас распространялся на тему «я и Синди» — это было бы очень наивно с моей стороны. Меня только порадовало, что она в жизни так же хороша, как и на экране.

— Как корреспондент вы предпочитаете в качестве собеседника красивых женщин или умных мужчин?

— Конечно, для меня предпочтительней женщина. У нас абсолютно шовинистическая мужская страна. Раньше хотя бы для отвода глаз вытаскивали наверх женщин — вот были Фурцева, Терешкова, Бирюкова. Сейчас в России практически нет деловых влиятельных женщин — во всех сферах, кроме исполнительского искусства. Даже на телевидении мало женщин-ведущих, женщин-репортеров. На Западе совершенно иная ситуация. Там есть такие дамы, как Хиллари Клинтон. До того, как Билл Клинтон стал президентом, его вообще мало кто знал: подумаешь, губернатор Арканзаса! А она в то время уже была

одним из ведущих юристов Америки. Красотка, умница, профи, язык как бритва. Фактически она и сделала мужа президентом.

А у нас или красивая — или профессиональная. Потому и сошелся свет клином на Хакамаде.

— **Что ж у нас, по-вашему, совсем уж нет нормальных женщин?**

— Женщины-то есть. Но абсолютно нет никаких условий для того, чтобы они делали карьеру. У нас такой уклад жизни, что только дамочка с фантастически сильным характером может чего-то добиться в профессии.

Так что женщина в кадре — это огромная проблема. Уже невозможно слушать телевизор: звучит сплошной сливающийся баритон.

— **Еще полгода назад атрибуты богатого человека — машина, дача — у вас отсутствовали. За это время что-нибудь изменилось?**

— Дачи по-прежнему нет, хотя желание ее построить уже появилось. И машины собственной нет. Правда, пешком я не хожу — меня возит служебный автомобиль телекомпании. Собственный приобрести пока и не хочу, поскольку не умею водить.

— **А супруга ездит на общественном транспорте?**

— Чаще всего ловит такси. Но она не часто одна куда-то отправляется, потому как сейчас не работает — сидит дома с нашей трехлетней дочкой. Да и старший сын тоже требует много внимания. А из возможных признаков обеспеченности у меня есть коллекция галстуков.

— **Действительно целая коллекция?**

— Около 40 штук. Причем есть совершенно великолепные экземпляры. Я вам покажу...

Кстати, я недавно прочитал, что Билл Клинтон заказал себе в Италии на этот год 60 неаполитанских галстуков «Маринелла».

— **У вас какая-то прямо патологическая любовь к этому предмету мужского гардероба.**

— Ну почему патологическая? Никто же не называет патологией коллекционирование марок или, скажем, дверных замков. Если человек умеет доставить себе удовольствие еще чем-то, кроме общепринятых способов, что же в этом плохого!

Есть маньяки на тему машин, часов, зажигалок или запонок. А меня среди мужских игрушек привлекают именно галстуки — поскольку я не курю, запонками не пользуюсь, а часы на руке меня раздражают, поэтому я их ношу в кармане.

— **В еде вы такой же гурман, как в одежде?**

— Да, я люблю хорошую кухню. Кстати, вот такой парадокс. В русской кухне есть замечательные, хотя очень дорогие ресторанные вещи: поросенок с гречневой кашей, заяц с моченой брусникой, котлеты из лосятины, стерляжья уха... Наша безвкусная власть не использует кухню в качестве своего атрибута, и на приемах в Кремлевском Дворце съездов по-прежнему: консервированная рыба, колбаса, сыр и крупно резанные огурцы. Тупость и жлобство.

Помню, я был на приеме по поводу приезда Sting. Стоит на столах водка «Привет» и шампанское «Одесса». Бедный Sting, ничего не понимая, ходит с бокальчиком — наверное, смешал «Одессу» с «Приветом».

— **Ну, вы-то там были по долгу службы. А в свое удовольствие куда ходите?**

— Мне нравится ресторан клуба «Феллини». А из харчевен — ирландский паб "Рози О'Гредис".

— **А вообще — какую кухню предпочитаете?**

— Итальянскую. И не только в ресторане. У меня жена очень хорошо готовит.

— **Вы что-нибудь делаете по дому?**

— Если вы имеете в виду домашнюю работу, то нет. Я дома обычно отдыхаю — играю с детьми, книжки читаю, общаюсь с женой.

— **Что значит для вас понятие «семья»?**

— Все остальное, кроме работы. Я очень домашний человек.

Наталья РЖЕВСКАЯ.